

Ахметжан АШИРИ

НУР АНА

Повесть

I

Нур Ана была женщиной, никогда не думавшей лишь о себе. Напротив, она больше думала о других... Словом, Нур Ана была простой терпеливой крестьянкой, плоть от плоти земли, на которой родилась и выросла, а теперь уже – и состарилась. О ней можно было сказать, что Всевышний отлил ее из золота. Эту золотую старушку в молодости близкие и подружки звали Нуранией, теперь же стали называть святым словом «Ана», то есть «Мать». А слово «нур» означает «луч света», «луч солнца». Вот и получается, что Нур Ана – Лучезарная Мать. И действительно, присущий ей приятный цвет лица, теперь уже смуглый, никуда не делся, а стал поистине золотистым. Правда, от былой жизнерадостности не осталось и следа, всё сгорело дотла. Белые, словно луна, волосы почти не отличаются от белого на ее голове платка. Но жизнь Нур Ана любит по-прежнему и продолжает надеяться на лучшее, если не для себя, так для других... Она верит, что сады в ее родном селе Чарбаге обязательно зацветут снова, и что в маленькие окна низеньких домов вновь пробьются лучи света, и заживут люди счастливо...

Нур Ана всегда была немногословной и неболтливой: она считала, что слов, как и лекарств, много быть не должно. Лекарства ведь лечат не количеством... По мнению Нур Аны, болтуны говорят много, но толку от них мало. И не люди они, а черви, которые подтачивают организм изнутри под самый корень. Едят всех, кого ни коснутся. Эти черви, наконец, и у нее тоже завелись... В душе ее. И грозятся ей порчей, а то и погибелью. Вот на этих людских червей она зла всегда.

Старушке Нур Ане уже лет под восемьдесят. Высокая, худощавая, она имела привычку залезать на плоскую крышу своего дома. А дома в селе стояли вплитирку, один к другому. И говорила себе Нур Ана: «Сколько ни поливай камень, он не будет зеленеть и расти, только покроется плесенью. Так и болтуны... Не зацветут никогда. Их жизнь... так и покроется плесенью, как покрывается плесенью камень».

Вспомнила она о болтунах не случайно. Просто увидела с крыши своего дома майскую зелень вперемежку с лазоревыми цветами. Ее слова о болтунах могли услышать соседи, ибо оказалось, что говорила она не про себя, а вслух. И соседи могли посмеяться над ней. Нур Ана одернула себя и тяжело вздохнула: «Да ведь нет соседей. Все покинули родное село. Одна я здесь». И всё же, видя, как всюду зеленеет трава и цветут цветы, Нур Ана не могла не улыбнуться: «Если всё вокруг в цвету, то и жизнь людей наладится, зацветет». Так она жила...

Старая Нур Ана о многом могла рассказать: о любом дне жаркого лета и теплой осени, или зимней стужи, когда и как проходили дни и годы... А почему Нур Ана в этой древней, когда-то многолюдной земле живет одна и чувствует себя одинокой? Это знала лишь она одна... Блюсти тайну ох как трудно! А тайну ее сердца высказать еще трудней... Одни считали ее выжившей из ума, другие так не думали, жалели. А Нур Ана отвечала им на это: «Вас надо жалеть, несчастные! Жалеть за то, что не уважаете ни землю, ни камни, ни воды наши... Хорошо, что еще не презираете всё это!» А ей, немощной старухе, удалось вынести, преодолеть все трудности и сохранить энергию и волю к жиз-

ни. «Наступит день, – говорила она себе, – и в моей груди вспыхнет великое пламя, которое выжжет из души всё злое, а сердце опять подобреет»...

Сидя на плоской крыше своего дома, Нур Ана посмотрела на свои ладони. Ей показалось, что, испещренные линиями, они похожи на ее непростую, нелегкую жизнь.

Приложив руку козырьком к морщинистому лбу, она всматривалась вдаль, в сторону сел Байсейита и Малыбая, и плакала, вспоминая односельчан, ушедших туда на постоянное жительство.

Каждый день поднималась Нур Ана на крышу своего дома с одной-единственной целью – увидеть хоть кого-то! Но не ей удалось увидеть своих бывших сельчан: ни едущих на лошади, ни на осле, ни просто идущих пешком. Ни разу. «Они что, забыли меня, что ли? – вопрошала себя Нур Ана. – А ведь были такими внимательными!.. А, может, и они обвиняют меня?.. Думают, что я их забыла? Может быть...»

Но она не отчаивалась. Верила, что односельчане когда-нибудь все-таки приедут к ней. Не к ней, так к земле, где родились. И они встретятся. Потянет их сюда обязательно, и они приедут в свой родной Чарбаг! Она верила в это, но когда одна-одинешенька обходила Чарбаг, плакала...

* * *

И вот теперь Нур Ана – единственная жительница Чарбага и единственная его хозяйка. Сколько деревьев срублено с тех пор в родном селе! Сколько домов разрушено! Но ничто не сможет помешать Нур Ане верить в то, что однажды жизнь вернется в село и теперешняя пустота заполнится наконец детским смехом и всеобщим весельем. А сейчас...

Сейчас тяжелые облака прольются дождем на землю Чарбага и зазеленеет трава, и зашелестит листва, а плодовые деревья покроются белым цветом... Вот! Вот и загрохотал гром, и засверкали молнии! И дождь полился живительной влагой...

Нур Ана брела и брела, не помня, куда шла и зачем, и оказалась у кладбища... Она остановилась у одной из многочисленных могил. «Ну вот и вас оставили вместе со мной, – проговорила она, словно беседовала с душами умерших. – Если бы вы были живы, возможно, и вы остались бы в Чарбаге и других уговорили бы остаться... Однако не дождалась вы этих дней, избавили себя от выбора – остаться или нет в родном селе... А может быть, вы сделали правильный выбор?..»

Немного постояв у могилы, Нур Ана, босоногая, отправилась домой... А дома крыша протекла. «И как ей не протечь?! Ведь на крыше завелись мыши! Вот и проделали дыры в потолке! И кот их уже не пугает... Пресытился, видимо... Еще бы! Вон сколько мышей! А в подполье еще больше!..»

II

К утру дождь перестал. Нур Ана вылила дождевую воду, накопившуюся в различных емкостях, которые она понаставила вчера под струи дождя, вышла на улицу, вновь залезла по лестнице на крышу и стала всматриваться вдаль, но там, как и прежде, не было никого. Никого не видно, и голосов детей не слышно, которые, кажется, лишь недавно играли здесь в игры. Тихо кругом... Вокруг – ни души! Мертвая тишина...

Нур Ана опять пошла слушать эту тишину по улицам мертвого села. Многие дома были без крыш, остались лишь стены, которые разрушит природа. Ведь скоро начнется сезон дождей... От садов, что цвели раньше у каждого дома, не осталось ничего. Но Нур Ана помнила эти сады, помнила их красоту,

богатство плодов – и яблонь, и груш... Она не только представила эту картину ясно, но и услышала вдруг голоса хозяев этих тенистых садов, представила их так явственно, что захотелось окликнуть их...

Всё это Нур Ана увидела так явно, что сердце у нее екнуло, в глазах потемнело, голова закружилась, и старушка чуть не упала здесь же, у сада Касыма, если можно назвать садом одни пни, оставшиеся от когда-то росших фруктовых деревьев. А ведь в Чарбаге не было ни одного дома, за которым не рос бы фруктовый сад. Теперь садов нет, будто и не бывало...

«Некому пока поинтересоваться судьбой Чарбага, но не сегодня-завтра найдется такой человек! И тогда надо быть готовым рассказать ему, что стало с этим селом, как оно дошло до жизни такой. А те, кто узнают, обязаны поведать об этом всему миру!»

Лучезарной матери было чем поделиться, рассказать, как разрушали родное село...

* * *

Нур Ана подошла к свекру и произнесла раздраженно:

– Что же Вы, отец, как каменный сидите?! Если все будут молчать, они ведь сядут на голову! Кто же их тогда остановит?

Старик не обиделся, а задумался над словами снохи:

– Ты права, Нурания... Права, невестушка моя. Вон люди с топорами и пилами! Кто они? Я впервые их вижу! Это явно не наши, не местные! – Старик не знал и тех, кто послал их сюда с преступной, видно, целью.

– Что же Вы, так и будете сидеть камнем безучастным?! – воскликнула в сердцах Нур Ана, и это придало сил и смелости старому садовнику.

Он встал и энергично пошел к молодым людям с топорами и пилами. Подойдя к коренастому молодому человеку, старик вырвал из его рук топор:

– Выходи из чужого сада, а то зарублю! – приказал он. – Это ты моих детей убиваешь! Вон отсюда!

Никто и подумать не мог, что старый человек, который только что сидел безвольно на скамейке, может так разъяриться. Молодой человек, у которого отобрали топор, пошел к выходу из сада, наступая на валявшиеся всюду под ногами совсем еще зеленые яблоки.

Старик остановил его:

– Эй, стой! Вернись! А ну, собери яблоки!

Тот покорно стал собирать...

– Теперь ешь эти яблоки! – приказал старый садовник.

– Они же зеленые! Как я их буду есть?

– Съешь и зеленые! Я тебя заставлю! – воскликнул старик, продолжая наступать.

Молодой человек, видимо, понял душу садовника: «Сад для него всё равно что дитя родимое! А сам-то... Ни живой, ни мертвый. Что с него возьмешь?»

– Идемте отсюда! – сказал молодой человек своим товарищам. – Всё равно старик не даст работать. Спорить дальше с ним бессмысленно. Идите за мной!

И они ушли из сада старика. А те, которые работали поодаль, продолжили рубить соседний сад, не обращая никакого внимания на беднягу, который лег на землю, стал крутить головой и стучать сокрушенно кулаками, не зная, что дальше делать... Рубрики же лишь посмеивались над немощным стариком, называя его чудаком, да и только...

Нур Ана опять расстроилась, да так, что почувствовала боль в сердце. Ей стало тяжело дышать. Она и старый садовод ощутили себя уже не хозяевами своего дома, своего сада: они были похожи скорее на беспомощных, неопе-

рившихся птенцов, выпавших из гнезда. Нур Ана грустно подумала, что эти молодые люди, видимо, никогда не бродили весною в таких садах за руку с любимой девушкой. А может быть, у них и садов-то таких никогда не было... Она помогла старому свекру встать и вывела его из сада.

– Что с Вами? – участливо спросила она.

– Этот сад мне был вместо сына, Гопуржана. Сад живет, значит, и сын мой жив! А теперь вот до сада добрались...

Нур Ане стало очень жаль старика.

– Что со мной, сноха?! Других-то я прогнать не смог! Сил не хватило. Неужто я так ослаб?! Никуда уже не похужь? Да? – И старик горько заплакал.

Нур Ана, обняв его, тоже заплакала.

– Ты узнала этого молодого человека? Ну, почему молчишь?! Узнала его?

– Да, узнала, – призналась Нур Ана.

– Кто же он? Как его зовут?.. И почему мы должны покинуть Чарбаг?.. Надо идти туда, куда следует! Жаловаться надо! От нашего плача пользы не будет. Следует обратиться к кому следует с этим вопросом. Следует? Да? Ответь, сноха!

– Это очень трудный вопрос... Ведь это – решение государства...

– Решение! – воскликнул старый садовод. – Кому нужно такое решение?! Веками жило село! А разрушить его можно в один день!.. Сотнями погибали солдаты в войну, а село жило! Для чего?! Чтобы за один день сравняли его с землей?! Что это за решение? Как можно вынести такое решение?! Это какое-то недоразумение! Такое решение нельзя оправдать ничем! Люди разрушают дома, чтобы утащить перекрытия, разные балки. Их можно потом использовать для строительства, а кому-то и – разрубить на дрова... Ведь это и хороший стройматериал, и хорошее топливо! Хоть куда используй!

Всё это Нур Ана знала, но делала вид, что ничего не видит. Боялась, что кто-то ее же и обвинит. «И так все обвиняют меня во всех бедах! И в колхозе, где я была председателем... Но справедливость однажды восторжествует!» – думала она и была права, потому что знала, кто во всём этом виноват.

А старый садовод продолжал, рассказывая, что этот дом достался ему от отца, а фруктовый сад посадил еще до войны его сын Гопуржан.

– Вот от кого мне всё перешло в этом доме! Ничего для людей не жалел, всё отдавал, что было в саду! Сколько хочешь фруктов, бери! Ничего не жалел! Ты же знаешь, сноха моя! И чарбагцы все знают! Они всегда были довольны мною...

Нур Ана очень даже понимала старого свекра. Для старика – ходить по еще зеленым яблокам, топтать их – равносильно тому, что топтать выпавших из гнезда живых птенцов.

– Ты видишь, Нур Ана, эти яблоки? – продолжал тем временем бормотать старик...

– Конечно, вижу! Мне тоже жаль их, но что я могу поделать?.. Беспомощная я.

В это время к ним подошли двое мужчин. От неожиданного появления чужаков у старого Касыма яблоки выпали из рук на траву.

Один из пришельцев подошел к старику:

– Я из Малыбай, – сказал он. – Меня зовут Айбек. Я – председатель колхоза. Малыбай – село, богатое и землей, и водой. Люди там счастливые!..

Председатель колхоза села Малыбай обходил Чарбаг. Он остановился около амбара с зерном. До войны здесь была школа. Во время войны школу закрыли, а помещения приспособили под хлебный амбар для хранения посевного зерна. Старый садовод Касым с этим был категорически не согласен. Он

считал, что школу надо восстановить. Старик был также против того, чтобы перевести Чарбаг в село Малыбай, объединить их. Гость же из Малыбая Айбек пояснил, что перевести село Чарбаг и объединить с Малыбаем – всё равно, что объединить две улицы в одном селе. Ничего тут особенного или неправильного нет...

– А разрушенные дома и вырубленные фруктовые сады – это что, тоже ничего особенного?! Тоже – правильно? А хозяйства разорять и людей против их воли переселять в другое село, это тоже – ничего?! – возражал старый садовод гостю из Малыбая.

Председатель пробовал отвечать на это:

– Необходимо до зимы закончить переезд! Зима – на носу! Всем нужно поскорее на новом месте обосноваться, обзавестись хозяйством.

– Я-то думал, что ты – человек сердобольный, а ты – бесщедный, безжалостный. Ошибся я в тебе! Не жаль тебе многолетнего труда чарбагцев. Спилить их сады! К которым они относились, как к своим детям! Заставить их плакать! Рыдать! Чтобы тебе пусто было! Чтобы в твоём очаге огонь потух! Чтобы исчезла вода, которую ты пьешь! Чтобы твоя единственная лошадь ногу сломала!..

– Да что с тобой, старик?! Почему ты меня так проклинаешь?! Что я тебе сделал такого? В чем я-то виноват?.. Когда люди погибали на фронте, ты купался в прохладной воде своего пруда, ел груши из собственного сада! Фашисты убивали наших детей! Ты их не проклинаешь, а меня проклинаешь?..

– Хватит! Перестаньте спорить! Айбек тут ни при чем! Не он виноват! – вмешалась Нур Ана.

– А кто же виноват?! Ну! Скажи-ка мне, сноха моя!

– Зачем Вам, отец, это нужно? Всё равно, даже если узнаете, не хватит у Вас сил их наказать! Так что уж лучше молчать о том, кто виноват. Они сильнее нас. С ними ничегошеньки нам не сделать...

Айбек тоже не хотел тратить время на бессмысленный спор. Ему нужно было скорее перевезти людей в Малыбай и очистить Чарбаг от всего, на его взгляд, ненужного...

– Эй, молодежь, подойдите сюда! Ближе! Ближе! С сегодняшнего дня все сады надо очистить. Понятно? Ничего не оставляйте! В особенности – в саду старого садовника Касыма.

В это время появился Архон – по прозвищу Хвастун. Он обратился к председателю:

– Братишка, Йолдаш, меня послали за подводой! Многие уже готовы переехать.

– Кто послал? – спросил Айбек.

– Послали за подводой! И всё! – Кто послал, Архон не сказал. – Братишка, Йолдаш, у меня здесь и раньше не было красивого дома, и теперь нет. Но сегодня чуть-чуть повезло – собрал в огороде немного тыквы. Нужна телега.

– Кто послал? Кто просил подводу? – вновь спросил Айбек.

– Я.

– Ты?! Ну, а просить как следует не научился? На словах, на языке – все сделают, а просить научиться – не хотят! Если враг на нас нападет, вот такие, как ты, станут предателями! Это уж точно!

– Я не понял, о чем вы говорите, – сказал хвастливый Архон и неопределенно повел плечами в знак того, что не понял.

– А я тебя тоже не понял! Что ты за человек?! – ответил Айбек.

– Ломайте дома, ты сказал, и мы ломали. Рубите деревья, сказал, и мы рубили. Что еще хочешь от нас? Не понимаю! – возмутился Архон.

– Кто разрушил Чарбаг? Спросят когда-нибудь! Вот тогда будь готов быть свидетелем всего!

– Братишка, Йолдаш! Дайте телегу! Нам ехать надо! Дел еще много в Малыбае! – повторил снова Архон.

Айбек подозвал одного из только что прибывших в Чарбаг и приказал ему:

– Погрузите вещи Архона и отвезите! И сразу возвращайтесь обратно. Быстро! Быстро! Поняли?!

– Да, понятно... Как не понять?

– По дороге не останавливайтесь! Не увлекайтесь сбором ягод! Не заставляйте меня долго ждать! Поняли?!

– Да, поняли: не собирать ягод, возвращаться быстро...

В Чарбаге таких людей, как хвастун Архон, еще много. По мнению Нур Аны, на одно село по одному хвастуну достаточно было бы, но их значительно больше...

Люди, пришедшие с топорами и пилами, обратились к старому садоводу:

– Ну, пошли, старик, к тебе в сад! Посмотришь, как мы будем чистить его.

Сердце у старика сжалось от боли, и он упал там, где сидел – у стены разрушенного дома. Придя через какое-то время в себя, Касым медленно поднялся и, помолчав, обратился к молодым людям:

– Сперва убейте меня, чтобы я не слышал ни стука топоров, ни шума пил. Я не обижаюсь на вас: вы не можете послушаться ваших хозяев. Ведь вы – никто! У вас не хватит воли послушаться. Я вас понимаю: вы – такие же беспомощные, как и я. Вот вам моя голова! Не жалейте меня! Убейте! Мне уже и жить-то немного осталось. Я думал всегда, что меня ждет мой единственный сад... Пока я не умер и живу, я должен заботиться о саде вместо тех, кто погиб на войне. А их было много!.. Больше четырехсот молодых односельчан наших погибли, защищая Родину от фашистов! Больше четырехсот... моих сыновей, которые раньше могли заботиться о саде... Теперь их нет. Так кто же позаботится о саде, если не я? Мне незачем жить... Для чего?! Я прощаю вас. У вас нет воли и возможности – постоять за мой сад. Даже если захотите... Убейте меня! Я всё равно не вынесу, если вы на моих глазах будете уничтожать мой сад!

– А Вы, Нур Ана, были, кажется, председателем колхоза в этом вашем Чарбаге? – спросил Айбек.

– Да, была, – ответила та.

– Хорошо. Я должен у вас принять хлеб в амбаре.

– Ну, идемте, – тихо ответила Нур Ана.

Айбек пошел за ней к амбару и, подойдя к двери, проверил, не закрыта ли она.

– У кого ключ? – спросил Айбек, всматриваясь в окошко амбара.

– У меня, – ответила Нур Ана. – Вот, держите. Можете открыть.

– Уважаемая Нур Ана, пожалуйста, откройте сами! – сказал Айбек, улыбаясь. – Слава богу, никто не попытался украсть пшеницу, хотя люди и голодны.

– У людей, значит, совесть есть. А если бы и украли, что бы я могла сделать?

Нур Ана была довольна, что зерно оказалось на месте. Айбек приложил руку к спине Нур Аны, погладил ее.

– Слава богу, хлеб есть. Но в каком он состоянии? Не перегрелся?.. Не испорчен ли? Давайте посмотрим! – Он взял женщину под руку, другой попробовал пригнуть ее голову вниз.

Нур Ана закричала:

– На помощь! Помогите!

Старый садовник Касым, услышав голос снохи, понял, в чем дело. Прибежал и схватил Айбека за руку:

– Попробуй еще хоть раз обидеть мою сноху! Будешь дело иметь со мной!

– А я сейчас закрою тебя в амбаре! – пригрозил Айбек старику. – Зачем ты вмешиваешься?! Она – женщина без мужа, может, сама хочет, чтобы кто-нибудь ее приласкал... Женщина есть женщина!

Нур Ана взяла замок и показала его старику. Тот сразу понял, что надо делать.

Айбек же расхохотался:

– Сколько ты будешь за своей снохой следить?! Не мешай ей! Пусть живет как хочет! Тем более, что твоего имени в списке переезжающих в Малыбай нет. Ты поедешь в Байсейит, так что скоро всё равно не сможешь за ней следить. Привыкай!

– И я не записывалась к тебе, председатель! Никуда я отсюда не поеду! – отрезала Нур Ана.

Она и старый садовник не успели закрыть председателя в амбаре, он побежал к телегам, отправляющимся в Малыбай. По дороге Айбек чуть не наступил на живых птенцов, выпавших из гнезда.

– Эй, ты, осторожно! – крикнул ему старик.

Но Нур Ана остановила его:

– Не трогайте его! Он готов сейчас не только птенцов, но и детей обидеть... каблуками своих сапог!

– Ну погоди! – пригрозил старик председателю напоследок и замолк.

Был уже полдень. Люди сели обедать, но Айбек не дал им попить чай.

– В Малыбае будет чай, – сказал он. – А сейчас – в путь!

* * *

Нур Ана вместе со свекром не спеша попивали чай, что называется – обедали.

– Нам некуда спешить, правда? – спросила она задумчиво. – Я никуда из Чарбага не поеду.

– Послушай меня, сноха! Твой хлеб в амбаре два года лежал. Зерно теперь будет посеяно в чужой земле. Чарбаг и его земля теперь никогда не увидят зерна, предназначенного для посева. Нелегко, конечно, привыкать к чужой земле... Никто этого не хочет, но... Что поделаешь? Придется. Ты, сноха, свое упрямство оставь. Будем жить как все.

– Нет, никуда я не поеду. Чарбаг – земля, где я должна остаться навсегда, на вечные времена. Она – моя, единственная! Как я могу от нее уйти?

– Не говори так! Будь что будет! Узнаем, что такое – жить на чужой земле... Разделим участь всех односельчан, сноха! Не упрямясь!

– Вы – как хотите, а я остаюсь тут, – сказала, как отрезала, Нур Ана.

Наступило долгое молчание... «Да-а-а, ее решение, как видно, серьезное», – думал про себя старик.

– Смотри, сноха! Подумай еще раз! Будешь, как перст, одна! А одной... ох как трудно! Подумай хорошенько. Еще не поздно. Поедешь со мной в Байсейит.

– Я об этом ясно сказала на бюро райкома.

– Так ты знала, что объединяют два колхоза? Почему не сказала мне тогда же? – обиделся Касым.

– Да, я знала еще тогда.

– Скажи же, доченька, почему не сказала мне?!

– Слишком трудно мне было рассказать об этом кому-либо...

– А как ты думаешь, дочь, как передавать зерно Айбеку? Будете взвешивать? Или...

– А зачем вам, отец, это знать? Какая разница?

– Я взял из амбара один мешок пшеницы. Украл, короче говоря!

– Надо вернуть. Иначе нельзя!

– Ты выслушай меня, доченька! Не перебивай! Я скажу, зачем брал. Мы же хранили это зерно для тех, кто должен был вернуться с фронта. Но... Не вернулся никто. Или почти никто. И вот – хотел я устроить погибшим на фронте солдатам нашим поминки. Не для себя украл...

– Надо вернуть пшеницу, отец!

– Об украденном мешке зерна не проговорись, сноха! Прошу тебя! Сделай вид, что ничего об этом не знаешь!

– Не просите, отец! А поминки... Может, у людей найдется немного муки, чтобы устроить поминки по погибшим на фронте.

– Не говори! Не проговорись, доченька!

Айбек не спрашивал, сколько в амбаре хлеба. Он лишь спросил, нет ли у нее двух пустых мешков: в амбаре остались зерна пшеницы мешка на два.

– Мешки? – переспросила Нур Ана.

– Да, мне нужно два пустых мешка, чтобы убрать остатки зерна. Двух мешков, пожалуй, хватит.

– Сейчас! – сказала она, побежала и принесла мешки Айбеку. Тот обрадовался и вдруг подумал, что у Нур Аны приятный голос.

– Простите, пожалуйста, меня. Я виноват перед вами.

– Не прощу! – резко ответила она и отошла от председателя. Нур Ану по-прежнему мучил мешок пшеницы, который украл свекор.

Айбек передал два пустых мешка молодым людям, и те стали быстро собирать и класть в них остатки зерна.

Нур Ана до этих пор никогда, ни разу не поступала против правды, и ее мучило, что она, пусть впервые, но перешагнула через честность. И допустила она этот проступок ради своего покойного мужа. Столько лет, будучи председателем колхоза в селе Чарбаг, Нур Ана никогда не позволяла себе ничего подобного. Сегодня впервые, ради свекра, ради старого садовода, можно сказать – согрешила. «Ладно, – подумала она, – ради его сына... Ради мужа моего... Пошла против правды». И облегченно вздохнула.

Айбек, видя, что Нур Ана смотрит на него пристально, понял это по-своему, а она на самом деле смотрела на него с презрением, потому как чувствовала к нему отвращение.

Айбеку было жарко. Он снял тюрбетейку, скомкал ее и вытер ею свою мокрую, жирную шею.

– Готовьтесь к отъезду! – крикнул он. – Телеги, запряженные лошадьми – вперед! Волы – после них! И последними пусть следуют ослы! – приказал своим людям. – Ну, вперед! Вперед! Вперед в Малыбай!

Чарбагцы, прежде чем двинуться в путь, в последний раз взглянули на родное село... Некоторые упали на колени, прощаясь с Чарбагом. Старики, подняв к лицу ладони, молились, прощаясь с родным полуразрушенным селом. Женщины, пожилые жительницы Чарбага, кончиками головных платков вытирали слезы, молодые же прощались с юностью, проведенной в родном селе. Старики, мужчины и женщины жалели, что не умерли здесь, до переезда: тогда бы им не пришлось покидать свои дома, остались бы они на кладбище, хоть и мертвые, но – на родной земле.

– Щедрая земля наша, не обижайся на нас за то, что оставляем тебя! – шептали люди, обращаясь к земле Чарбагской, как к родному, живому человеку...

А Айбек в это время покрикивал:

– Ну, чего стоим?! Трогайтесь! Дорога впереди длинная! Отправляйтесь!

Все, наконец, тронулись в путь. Чарбагцы шли, ехали в Малыбай, понури́в головы, с глубоко трагическим видом, словно провожали умерших на кладбище. Телеги на кочках потряхивало, многие шли пешком, кто-то вел за руку маленьких детей.

Среди чарбагцев был один низкорослый, конопатый молодой холостяк. У него была своеобразная привычка: носил он на поясе табачный кисет и фляжку с водой, а в руке постоянно держал любимый музыкальный пятиструнный щипковый длиннющий инструмент – тамбур. Он часто играл на нем и пел, когда хотел сам или когда кто-то его об этом просил. И он никогда не отказывал никому, потому что сам любил петь и играть. А пел он совсем не дурно, и даже красиво. Звали его Кевир с обязательной приставкой «красавец» – «Кевир-красавец» или же «Красавец Кевир». Он не стал разрушать свой дом в Чарбаге и никому не дал разрушить его. На вопрос председателя Айбека: «Почему?» он отвечал: «Я пять лет строил свой дом, чтобы жениться. Пять лет строил и улучшал! А здесь вдруг в один миг разрушить?! Я же не дурак и не разрушитель! И на улице не останусь! Не оставят меня мои односельчане без дома! Они меня всегда ищут и ждут. И в Малыбае, и в Кора́ме, и в Чилике – всюду люди ждут меня, хотят слушать мои песни, а я им пою с большим удовольствием. Пою всюду и перед всеми. Кевир-красавцу не нужно ничего: ни дома, ни скотины, ни какого-то другого богатства про запас. Люди ждут меня и хотят видеть и слушать круглый год: и зимой, и летом. Зачем мне копить богатство! Ничего мне лишнего не нужно: была бы фляжка с водой на поясе, да кисет с табаком. Вот и всё! Сегодня я здесь, а завтра там!»

Глядя на Кевира, Нур Ана думала: «Всем он нужен, все ему дадут приют». Ей нравился его образ жизни.

– Ты, Нур Ана, свеча нашего Чарбага! – обратился перед отъездом к ней певец. – Его теперь мы оставим тебе одной. В твоём очаге не потухнет огонь никогда. Я всегда буду приходить к тебе, чтобы узнать, как тебе живётся в Чарбаге! Трудно будет тебе одной, но ты всё вынесешь! Всё вытерпишь! Ты сильная женщина, Нур Ана!

– А я каждый день с крыши моего дома буду глядеть на дорогу и ждать тебя, Кевиржан! – отвечала она любимому певцу. – Пусть всегда звучит твой тамбур и песня твоя!

Кевир сердечно поблагодарил Нур Анну за теплые слова и, сев на своего осла, поспешил догонять чарбагцев, направляющихся в Малыбай.

Тем временем к подводам подскакал Айбек. Он остановил телегу садовода Касыма и спросил его:

– Ты что, под нагруженным лесом пшеницу спрятал?

– А что, брат, что-нибудь случилось? – вопросом на вопрос ответил Касым, сделал вид, что не расслышал.

– Ты спрятал пшеницу под доски?

– Да что ты! Не-е-ет!

– А это что? Смотри! Пшеница сыпется из телеги!

«Эх, мешок продырявился! Жаль... Смотри-ка, какой глазастый председатель! Увидел то, чего я не заметил. Как курица! Найдет зерно и под мякиной!» – не сказал, а подумал Касым.

– Пусть сыпется, мне-то что?! Не я туда положил.

– Кажется, из колхозного амбара. Украл, что ли?

– Да, колхозная пшеница! Да, украл! Что же оттого?

– Но ты ведь знал, что это зерно для посева?!

– Да, знал!

– Вот тебе за это! – воскликнул Айбек и ударил старого Касыма плеткой по голове.

Переезжавшие в Малыбай чарбагцы подбежали к Айбеку, стащили его с седла, стали плевать ему в лицо и требовать:

– Проси прощения у старика Касыма!

– Нет. Не стану извиняться перед ним! – стал возражать председатель. – Вы же сами слышали, что он украл колхозную пшеницу из амбара! Он вор! Я перед вором извиняться не стану! А ты, Касым, подтверди, что украл пшеницу, предназначенную для посева!

– Нет, – кричали чарбагцы, – скажи, Касым! Это Айбек заставил тебя признаться?

– Что я украл пшеницу, это верно, – сказал старик Касым.

– Вот видите! Слышите, что он сказал! – закричал председатель.

– Всё равно извинись перед стариком! – требовали чарбагцы и, повалив Айбека на землю, стали тузить его со всех сторон.

– Не буду извиняться! – пробовал возражать председатель, но чарбагцы прижали к земле его так, что он вынужден был уступить силе и проговорил: – Ладно, на первый раз прощаю и извиняюсь за то, что ударил Касыма.

Лишь после этого чарбагцы его отпустили, и он, встав, сказал старику:

– Ради уважения к Нур Ане прошу у тебя прощения за то, что поднял на тебя руку. – Сказал, сел на лошадь и ускакал.

Красавец Кевир спросил о чем-то тихо у старика.

– Пшеницу я взял с целью устроить в Малыбае поминки по погибшим на войне односельчанам. Это правда. Объясни это чарбагцам! А то действительно подумают, что я вор, – попросил Касым-садовод.

Кевир передал это односельчанам, а те лишь посмеялись над стариком. Они знали, что Касым – честный человек, а не вор, и, конечно же, поверили его объяснению. Кевир же тем временем настроил свой инструмент тамбур и затянул песню. На этот раз он пел о пшенице. Чарбагцы слушали его новую песню, радовались и в то же время грустили. А грустили они потому, что жалко им стало старого садовода...

В Чарбаге продолжали разрушать дома, рубить деревья в садах и после переезда людей на новые места. Нур Ана ничего не могла сделать против этого. Теперь она больше думала о том, как обосновались в Малыбае, Байсейите, Корама и других селах ее дорогие, теперь уже бывшие односельчане-чарбагцы.

* * *

И вот очередь дошла и до Нур Аны... Несколько человек, направленных из Малыбая в Чарбаг, вошли в ее двор и спросили, нет ли у нее каких-либо инструментов вроде кетменя, лопаты или топора. В крайнем случае сойдет и какая-нибудь кирка или мотыга. Не сказали пришедшие ей о том, что и ее дом они собираются разрушить и вырубить сад, сперва хотели получить хозяйские топоры да мотыги. Но Нур Ана всё поняла и только посмеялась над ними.

– Ничего вы у меня не получите! – сказала она, и посетители вынуждены были уйти ни с чем...

«Это всё дело рук Мухтара-карги! – подумала Нур Ана. – Не зря его прозвали каргой, ворон – он и есть ворон! Всегда только беду кличет. Такой человек ни о чем добром не думает никогда!» Она вспомнила, что он говорил, выступая как-то на заседании бюро райкома... «Чарбаг теперь – не тот Чарбаг, когда я работал там, – сказал он тогда. – Земля там хорошая, воды – сколько хочешь! Сады, особенно фруктовые, были богатыми. Колхоз был передовым, славился на всю область. А теперь что осталось? Ничего! После того, как Нур Ана стала председателем, колхоз стал сохнуть. Люди беднеют, я бы сказал – бедствуют. А что осталось от пшеницы, оставленной для посева? Не осталось почти ниче-

го! Нур Ана не справилась со своими обязанностями. Когда такие сёла, как Ташкенсу, Каратурук, Малыбай, Кызылшарк, Кызылжигда, сдавали государству обозами пшеницы, в Чарбаге – лишь запряженные ослиами маленькие тележки с зерном, да и те редко появлялись у элеваторов. Руководство колхоза просто руки по плечи совало в колхозные закрома, зерно растаскивали по своим частным амбарам, раздавали своим близким и знакомым. Так же они поступали и со скотом колхозным. Заведующий фермой Аравутдин зарезал колхозного быка и хвастался открыто, что бык был очень жирный, его мясо ела семья председателя колхоза Нур Аны. Что же касается самого Аравутдина, то он приходится близким родственником Нур Аны. Я узнал об этом недавно».

Тогда по решению райкома партии Нур Ана была отстранена от руководства колхозом.

«Меня лишили всего, – думала она, – но они не смогут отнять мои человеческие права! Никто не может запретить мне мои мысли и желания! Я не поеду туда, где командуют такие люди, как Мухтар-ворон, Мухтар-карга!»

А тем временем люди, посланные из Малыбая для разрушения домов Чарбага, опять зашли во двор Нур Аны. На этот раз они были намерены снести ее дом, спилить деревья в ее фруктовом саду.

– В Чарбаге только вы остались, одна-единственная, – сказал один из них.

– Мы пришли помочь вам приобрести нормальное жилье, – добавил другой.

Нур Ана в это время находилась на крыше своего дома. Третий поднялся к ней.

– Я мастер по вскрытию крыш, – сказал он. – Мне много пришлось разрушать домов, руку набил! Пять минут – и крыши нет: одни стены останутся, да и те ненадолго, тоже будут разрушены. Только я дом не дам валить, сам буду снимать крышу, а потом прыгну с крыши в комнату без потолка! Ха-ха-ха! – рассмеялся молодой разрушитель домов.

– А ну слезай! – приказала Нур Ана.

– Сейчас слезу, только сперва сделаю дыру в потолке, чтобы через нее прыгнуть в твою комнату.

– Ну что ж... Пеняй на себя! – сказала Нур Ана угрожающе, слезла с крыши и быстренько зашла в сарай, где прятала кетмень отца, который он называл «ай-кетмень», то есть кетмень, похожий на луну, но с дыркой посередине круглого полотна из стали. Вооружившись кетменем, она опять поднялась на крышу. Молодой человек вначале опешил, испугался и даже приготовился выбить «лунный инструмент» из рук женщины с помощью своего кетменя, но Нур Ана и не собиралась на него нападать.

– Ну-ка слезай! – сказала она спокойно.

– Не слезу! Брось кетмень! Или хочешь сама потолок вскрыть? – спросил он, улыбаясь.

– Значит, не слезешь?!

– Слезу, но сперва сделаю дырку в потолке...

Нур Ана не дала ему договорить. Она ударила своим кетменем молодому человеку из Байсейита по мягкому месту. Тот заохал, и даже сам не понял, как оказался на земле.

– Дурная ты женщина! Я слышал и раньше, что в Чарбаге много ненормальных женщин. Оказывается, правду говорили о вас! Теперь я сам в этом убедился. Сумасшедшая! Пошли, ребята, отсюда, пока она не довела нас до преступления.

Нур Ана продолжала стоять на крыше спасенного ею дома, опершись на «лунный» отцовский кетмень. А бежавшие от нее молодые люди, удалившись

на довольно значительное расстояние, обернулись, будто боялись, что Нур Ана их догонит...

Убедившись, что всё закончилось благополучно, Нур Ана заплакала, словно маленькая девочка, и прошептала вслед удаляющимся молодым людям: «Простите меня ради бога... Ведь вы ни в чем не виноваты. А я даже чаем вас не угостила...»

* * *

– Дайте мне лошадь! – закричал Мухтар-карга. – Сопляки! Не смогли справиться с женщиной! На что вы вообще годны?! Спятившей старухи испугались!

Молодые люди побежали за лошадью, но лошади не нашли.

– Нет лошади! – заявили они. – Седло – на месте, а лошади нет.

– Так несите седло! – приказал Мухтар-карга.

Ему принесли седло. Мухтар сел на седло и начал бить плеткой о землю. Молодые люди расхохотались.

– Чего смеетесь, негодные! Давайте сюда осла!

Парни удивленно переглянулись, вопросительно поднимая плечи.

– Чего стоите? Давайте осла! Быстро!

– Осла? В контору?

– Уходите вон! А то всех вас порежу! – Мухтар-карга нервно вышел на улицу. Там, в саду Кадыра-глухаря, увидел ослиху, которая вот-вот должна родить. Сел на нее и поехал в Чарбаг.

– Смотри, будь осторожен! Не то окажешься повитухой моей беременной ослихи! – смеясь, предупредил хозяин животного.

Упрямый Мухтар-карга остановил ослиху, спешился, пошел рядом, но всё же – в сторону Чарбага. Затем вновь остановился, задумался, сказал себе, что едва ли Нур Ана послушается, и передумал идти к ней. Подгоняя впереди себя ослицу, он вернулся в Байсейит.

* * *

После случая, произошедшего на крыше ее дома, Нур Ана ночью долго не могла уснуть. Она встала и вышла на улицу. «Не может быть такой тишины! – подумала мать Чарбага. – Это – обман... Или я оглохла? Не слышно лая собак... Не слышно соловьев, которые раньше всю ночь, не переставая, пели...»

До утра было еще далеко, но уже можно было в полумраке кое-что разглядеть. Она шла по улице, не сознавая, куда идет... Вдруг ей показалось, что она видит в темноте Кевира-красавца. Нур Ана побежала, чтобы его догнать, но тот будто растворился в темноте. Она всё же крикнула: «Ке-ви-ир!», но тот не отозвался... «Значит, показалось», – решила Нур Ана и вернулась к себе во двор.

Растерянная, она подошла к тандыру, думая, что мать Тохтихан тандыр не подмела. Оказалось, что тандыр разрушен... «Кто же это мог сделать? – подумала Нур Ана. – Кому он мог помешать?.. Кто бы это ни был, но человек этот бессердечный! Не пожалел труда старухи, матери Тохтихан... Раньше я на несколько дней уходила: то в Байсейит, то в Корам, то в Чилик – строила людям тандыры. Они знали тандырам цену! А эти... бессердечные люди! Разве они ценят чужой труд?! Вот, взяли и, не задумываясь, разрушили тандыр Тохтихан, который я ей построила...» – горько заключила она.

Нур Ана мысленно представила старуху Тохтихан, которая имела привычку угощать горячими лепешками всех, проходящих мимо... Говорила им: «Вот, только что из тандыра! Угощайтесь!» И люди, довольные, уходили, поблагодарив ее за кусок вкусной, горячей лепешки.

Нур Ана зашла в коровник старухи, но там не увидела коровы Тохтихан. «Где она теперь?.. Разорили старую... Перевезли в Байсейит». Теперь Нур Ана одна осталась в Чарбаге. Вспоминая односельчан и старуху Тохтихан, она тяжело вздохнула. Грустно ей было думать о них. Нур Ана вспомнила Чарбаг, когда он был полон людей. Она огляделась кругом – всюду царила разруха... Пригодные для строительства на новом месте детали домов люди увезли, забрали с собой. В основном для этого и разрушали строения. А ведь можно было и не разрушать. Оставить дома целыми... Но жадные люди сами разрушили свои дома. И чужие – тоже! Чтобы поживиться стройматериалами! Они знали, что никогда не вернуться в Чарбаг. Так зачем в мертвом селе оставлять добро?! Так думали чарбагцы. Вот и разрушили всё... Нужно или не нужно, есть что-нибудь доброе или нет, всё равно! Ломать так ломать!..

Нур Ана смотрела на яркое солнце и говорила ему:

– Эй, солнышко, почему люди не такие добрые, как ты?! – Она почти кричала солнцу. – Почему так бессердечны они, что готовы родные дома гробить?! Разрушать! – Она закрыла глаза ладонями, чтобы не видеть разрухи... и заплакала.

Успокоившись, Нур Ана решила: «Чарбаг должен жить! Необходимо очистить село от мусора, сохранить старые деревья, посадить новые! И обязательно надо ухаживать за кладбищем. Пока я живу, не могу оставить Чарбаг разоренным!»

Нур Ана пришла домой, попила чаю и долго сидела, задумавшись... Она очень устала. Но не только от того, что ходила по всему селу, а и от всяких дум и забот. Отдохнув, зашла в курятник. Здесь, видно, кто-то побывал... Конечно, и это была не лиса и не дикий кот. Они бы съели все яйца и задушили бы кур. Должно быть, это была куница. Она очень аккуратна и лишнего себе не позволит... Вдруг Нур Ана услышала мяуканье кота. Увидев его, она сразу узнала – это был кот ее свекра. Приласкав и покормив его, Нур Ана предупредила: «Ты кур не трогай! В доме, видимо, есть куница. Будешь есть то, что я дам тебе сама! Понял?» Потом она зажгла две свечи, прилегла на старый диван и уснула.

III

Нур Ана встала рано, погасила почти полностью сгоревшие свечи, начала уборку во дворе. Прервав это занятие, зашла в дом, поставила на огонь чайник, вновь вышла во двор и продолжила уборку. При этом она босиком залезла в воду, в арык, протекающий через ее двор, и, набирая пригоршнями воду, стала поливать подметенную часть двора. Сейчас она была похожа на девочку, брызгающую на прохожих водой.

Закончив поливать двор, Нур Ана зашла в дом, заварила в чайнике свежий чай и уже собралась пить, но решила сперва залезть на крышу и посмотреть, не идет ли кто-нибудь из чарбагцев. «Тогда и попили бы вместе, посидели бы за чаем», – подумала она. Но в обозримом пространстве никого не было видно. Пришлось завтракать одной. Аппетита не было. Выпив все-таки чашку чая, Нур Ана вышла на улицу. Вспомнила, как когда-то здесь, мимо ее дома, проходили с шумом группы оживленно беседующих сельчан, направляясь к смежной полосе земель Чарбага и Малыбая, к месту уборки хлебов. Сегодня никого не было видно...

Нур Ана стала приводить в порядок территорию вокруг дома. Она так старательно работала, что не заметила, как устала. Присев отдохнуть, поставила метлу рядом с собой. В эти минуты Нур Ана продолжала думать свою вечную думу о том, что прошло. Вспомнила почему-то своего близкого родственника Аравутдина.

Когда Нур Ана была председателем колхоза, Аравутдин работал у нее заведующим животноводческой фермой. Однажды его жена, Селимхан, написала и передала в правление жалобу на мужа по поводу колхозного быка. Нур Ана вызвала к себе Аравутдина и потребовала объяснить – что произошло? Аравутдин, узнав о жалобе своей жены, рассмеялся.

– Не смейся, – предупредила Нур Ана, – речь идет о серьезных вещах!

Тогда Аравутдин рассказал:

– Я шел по дороге, держа в одной руке веревку, привязанную к рогам коровы. – Рассказывая, он хихикал, не переставая. – И вдруг нам повстречался наш бык. Увидев корову, он на нее залез, а я растерялся и не знал, что мне делать. Опомнившись, стал хлестать быка длинной камчой. Не сразу, но всё же он с коровы слез, а она вырвалась и убежала. Бык же как-то странно завалился, упал, будто стал подыхать.

– Я не об этом тебя спрашиваю! Почему ты зарезал быка?! И съел! И мясо раздал кому попало.

– А что мне было делать, если бык подыхает?! Если его не зарезать, мясо ведь пропадет! Вот и пришлось зарезать! Хоть, подумал я, мясо спасу...

– И что мне прикажешь с тобой теперь делать? – сокрушенно спросила Нур Ана.

– Что хочешь, то и делай. Ты – председатель колхоза, сама и думай, доченька... Что-то случилось со скотом... Видимо, напала какая-то болезнь. Надо принять меры. Лечить скот надо! А то так может погибнуть всё поголовье...

– Ну, хорошо, действуй! Когда сделаешь необходимое, зайди ко мне, – сказала Нур Ана, а когда ее дядя ушел, подумала: «Посмотрим, что скажут люди на собрании правления. Судить его или не судить... Посмотрим».

Аравутдин свое слово сдержал. Он явился к Нур Ане своевременно, а та сказала ему, что собрание приняло решение – обязать его отработать три дня в пользу колхоза. И она сама повела дядю к месту назначения...

– Куда ведешь меня, доченька? – спросил Аравутдин, хотя прекрасно понимал, что ведет она его к месту отбытия наказания, как осужденного, на три дня исправительных работ. Он стыдился людей, которые могли увидеть, что ведет его чуть ли не в тюрьму родственница – председатель. – Куда бы ни повела меня, только не веди сама, как преступника, осужденного на черную работу. Людей стыжусь, что именно ты меня ведешь. Давай, ты отстань немного: никуда я от тебя не убегу!

– Ладно, – согласилась Нур Ана, и дальше Аравутдин пошел сам.

* * *

На отшибе села находилась мечеть, которая в год установления советской власти была закрыта и превращена сначала в школу, а потом – в колхозный амбар. До этого помещение мечети долго пустовало, и люди прозвали его «Шайтанов дом». Вот в этот дом и заключила своего дядю под замок председатель Нур Ана. А Аравутдин от страха чуть с ума не сошел, потом что искренне верил, что в этом доме и в самом деле жили и живут шайтаны...

В селе все друг друга знали. И если долго не видели человека, это сразу становилось заметно. А когда на три дня исчез Аравутдин, о нем стали болтать всякую всячину. Одни говорили, что его посадили в тюрьму в Чилике, другие полагали, что он – в городской тюрьме, ибо осужден на три года. Кто-то злорадно ухмылялся: «Так ему и надо!» Но большинство сельчан его жалели, считая, что Аравутдин – простой, хороший человек. Ведь он, когда зарезал быка, всем мясом даром раздавал! Что надо бы его проведать и похлопотать за него...

Узнав обо всем этом, жена Аравутдина, Селимхан, пришла к людям сама.

– Односельчане мои, – сказала она, – Аравутдин – мой муж. Я должна всё знать о нем и о вашем решении.

Зайдя к председателю и узнав все подробности, она потребовала мужа освободить. Однако председатель колхоза Нур Ана ответила ей категорическим отказом:

– Пусть купит для колхоза быка, тогда и решим! – сказала она.

Селимхан обошла всех, кто поддерживал ее мужа и верил, что он не виноват, что бык всё равно бы подох. «Зато он спас мясо, которым воспользовались многие колхозники! А сам заведующий фермой вовсе не старался нажиться на продаже этого мяса!» Она попросила людей о поддержке, и народ собрал почти всю сумму для покупки быка.

Взяв собранные людьми деньги, Селимхан отправилась к месту заключения мужа.

– Вот деньги, – сказала она, вручая их Аравутдину. – Сходи на Чиликский базар и купи такого же быка. – Она заплакала, но быстро успокоилась и добавила: – Люди верят, что ты не виноват. Вот и собрали деньги. Теперь ты сидеть в тюрьме не будешь.

– Люди дали деньги, потому что уважают меня, – сказал Аравутдин.

– Нет, – возразила Селимхан. – Они собрали деньги для твоего освобождения, потому что любят меня.

Аравутдин не стал переубеждать жену, но от денег вначале отказался:

– Когда я рассчитаюсь с людьми?! Лучше отсижу срок, сколько бы ни дали, но должником быть не хочу.

– Бери, бери! Что-нибудь придумаем!

– А что мы можем придумать?! Конкретно сказать можешь?

Селимхан не смогла ответить на этот вопрос.

– Ладно, давай деньги, пойду покупать быка! – решил Аравутдин и положил деньги в карман. – Побудь здесь вместо меня, я оставляю тебя как заложницу. Объясни это Нур Ане, скажи, что я скоро вернусь, – и захлопнул дверь.

– Что ты делаешь?! – завопила Селимхан и стала стучать, требуя выпустить ее.

– Пока поговори с шайтаном, а я уже наговорился!..

Аравутдин съездил в Чилик, купил такого бычка, которого требовала Селимхан, привел его к Нур Ане, привязал у входа в правление колхоза. Затем отправился выручать жену. Открыл замок:

– Выходи!

– Не выйду! Где бык? – спросила Селимхан.

– Купил я быка, отвел к председателю, но ее в конторе не было. Привязал у входа в правление. Не беспокойся!

Селимхан, поправив на голове свой красный платок, вышла на свободу. А Аравутдин замок выбросил, предварительно разбив его о камень.

Через несколько дней он продал свою единственную корову и заплатил долг тем, кто участвовал в сборе денег.

«Какие хорошие люди! – подумала Нур Ана. – Они уважают Аравутдина, верят, что он ни в чем не виноват». И стала относиться к Аравутдину и его жене Селимхан по-иному, убедившись, что они – люди честные и порядочные. Такими они и запомнились Нур Ане навсегда.

Спустя некоторое время Аравутдин оставил должность заведующего фермой и стал простым колхозником. Избрал он работу довольно тяжелую – стал поливальщиком. И здесь дела его не заладились...

Аравутдин знал, что поливать поля лучше всего ночью. Не привыкший бодрствовать по ночам, он несколько раз полив проспал, за что был снят с должности и назначен сторожем на току. Но и здесь ему не повезло: чуть что, он стрелял из ружья в воздух, думая, что на ток проникли воры, чтобы украсть очищенную пшеницу. Люди стали жаловаться, что среди ночи кто-то стреляет и не дает им спать. А однажды на самом деле пришли воры и увезли целую телегу отборной пшеницы, воспользовавшись тем, что сторож уснул. А уснул он потому, что стрелять ему запретили.

Нур Ана не знала, чем занять своего дядю, после того как его уволили за то, что он проворонил пшеницу. Она надеялась, что Аравутдину повезет на другой должности, ведь она понимала, что он – честный человек, что ему просто надо найти спокойную работу. Лучше всего – ответственную, еще лучше – что-нибудь вроде заведующего чем-нибудь. А так он – безвредный и спокойный. Главное – безвредный человек...

* * *

Нур Ана давно не ходила к пруду, что был расположен на пастбище Ой Жайляу. Этот пруд всегда был полон воды, а сейчас воды было почему-то мало. «Должно быть, стекающую сверху воду перекрыли тамошние поливальщики». Это обеспокоило Нур Ану.

Однажды в полдень она заметила, что в Чарбаге появилась страшная вонь. «Что это такое?» – подумала Нур Ана. А вонь с каждым днем всё усиливалась и не думала прекращаться. Более того, в селе появились лягушки, и Мать Чарбага поняла – они ищут воду. «Но в пруду наверху воды должно быть много. Выходит, там что-то случилось?.. Иначе лягушки не покинули бы пруд». И она решила сходить туда.

Нур Ана дошла до пруда и увидела, что в нем почти нет воды. Обнаружилось совершенно гнилое дно. «Вот откуда вонь! Куда же ушла вода? И – почему?» – задавала она себе вопросы. На дне пруда гнили рыбы, у которых были открыты рты, словно они просили воды. «Видимо, погибая, они ловили ртом влагу. Рыбы – не лягушки. Они не могут жить без воды ни минуты».

В это время у Нур Аны за спиной кто-то воскликнул по-русски:

– О боже, какой ужас!

Она обернулась и увидела рослого русского молодого человека, одетого по-солдатски. Не обращая на него внимания, Нур Ана продолжила вытаскивать и складывать в кучу погибшую рыбу.

– Таковы наши дела, солдат! Ты когда-нибудь что-нибудь подобное видел? – спросила она у него.

– Никогда! Это же ужас! – ответил солдат, который тоже стал помогать женщине собирать дохлую рыбу в кучу. – Да разве всю ее соберешь?!

– Подожди меня здесь, я схожу домой, возьму кетмень и лопату. Надо сперва закопать ту, что уже собрали, а потом продолжать собирать остальную. Так хоть меньше вони будет... – И, не дождавшись ответа солдата, Нур Ана побежала домой. Через полчаса она вернулась с лопатой и кетменем.

– Комай здесь! – приказала она ему. Тот выкопал большую яму, но не кетменем, а лопатой, потому что не умел работать кетменем. Он так быстро выкопал яму, что Нур Ана не поверила глазам.

– Вот – готово! Я Ваш приказ выполнил. Мы привыкли выполнять приказы командира.

– Давай закопаем эту протухшую рыбу!.. Вот и лишилась я рыбы. И озера! – грустно проговорила старуха и замолчала. В последний раз посмотрела она на большой котлован, который только недавно был озером, дававшим

Чарбагу воду для полива и питья, и сказала, обращаясь к солдату: – Бери лопату и кетмень, пошли отсюда.

Нур Ана была очень недовольна людьми, которые явно отвели воду, перекрыв канал, по которому она шла в озеро. Солдат же всю дорогу молчал, словно не хотел ей мешать думать.

Нур Ана вошла в просторный двор, наполнила чугунный рукомойник водой и приготовилась лить солдату на руки, на голову, которую он хотел вымыть с мылом. Ему казалось, что он весь пропах дохлой рыбой, да и вспотел изрядно. Солдат снял гимнастерку и приготовился к процедуре умывания, а Нур Ана, начав лить ему на голову, заметила на его теле большой шрам. Она даже перестала поливать от удивления.

– Что это у тебя за шрам? Кто ты, солдат? Ты, вероятно, кого-то ищешь?

– Да, ищу одного человека, – ответил тот, поднимая голову, которую еще не совсем вымыл. – Как Вас зовут?

– Сейчас меня зовут Нур Ана, а в молодости звали Нуркыз или Нурбуви.

– Значит, я встретил именно того человека, которого искал! Ваше имя называл мне однополчанин, мой друг Гопуржан...

Нур Ана постелила ковровую дорожку и одеяло, поставила низенький уйгурский столик, называемый джоза. Джозу накрыла скатертью, достала из сундука кое-какие сладости, налила чай.

– Вы пока угощайтесь, пейте чай, а я быстренько выстираю Вашу гимнастерку. Она высохнет быстро. Потом и поговорим, – сказала она и вышла. Затем поставила в казане греть воду, вернулась к гостю, достала из сундука рубашку мужа со стоячим воротником и обратилась к гостю: – Наденьте вот это. А где Вы познакомились с Гопуржаном?

– Впервые я увидел его в госпитале, куда попал после ранения. Там мы и подружились. После выздоровления я опять попал на фронт. Расставаясь, мы договорились не терять друг друга. Всё это время я старался найти Гопуржана, всюду спрашивал о нем, но встретиться нам так и не пришлось. Настал день Победы, когда один за другим стали отправляться в тыл поезда, развозя победителей по домам. Пока подошла моя очередь, десятки, даже сотни железнодорожных составов прошли перед нами. Поезда останавливались на две-три минуты, я бегал от вагона к вагону, спрашивал у солдат разных национальностей о Гопуржане, но не нашел его. Может быть, и он тоже искал меня, как я его... Затем я приехал к себе в Алма-Ату и не нашел своей жены: оказалось, она оставила дома, в Тастаке, своих родителей и с кем-то уехала... Я не осуждаю ее. Ведь она получила «похоронку». Считалось, что я погиб. Ее родителей я взял в свою семью. Они были так рады тому, что я вернулся с войны живой и здоровый, что не напоминали о том, что она оставила их. А Вы что-нибудь узнали о Гопуржане? – спросил он ее.

– Нет. Ничего не узнала. Всё жду – не дождусь, – всплакнула Нур Ана. – День и ночь прошу Всевышнего, чтобы муж вернулся...

– Скажите, а почему ваше село разорено и почему Вы живете здесь одна?

– Потому что в селе осталось очень мало людей, считают, что колхоз не оправдывает свое назначение, и его присоединили к трем другим селам.

По ответу Нур Аны чувствовалось, что она недовольна теми, кто так поступил с Чарбагом. Тут русский солдат представил себе другие села, те, что были разорены войной. «Но их разбил враг! А родное село Гопуржана? Кто его разорил? Кто превратил его в развалины?!»

– За разоренные войной села враг ответит... А кто ответит за разрушение целого села в мирное время? Здесь тоже есть виновные. И это время тоже настанет! – воскликнул он.

– Я тоже так думаю! – сказала Нур Ана. – Но увы, далеко не все так считают...

Солдат надел выстиранную Нур Аной гимнастерку и в тот же день, попрощавшись, уехал. А она, проводив его, зашла обратно в дом и горько расплакалась. Некому было ее успокоить. Всю ночь Нур Ана, не сомкнув глаз, думала о муже, то и дело давая волю слезам.

IV

На следующий день рано утром Нур Ана опять поднялась на крышу своего дома и стала всматриваться вдаль. Рядом с нею расположилась ее кошка.

– Зачем приезжал русский солдат? – спрашивала она сама себя, глядя на кошку, будто спрашивала не себя, а ее. – О чем сейчас этот молодой солдат думает? Хорошо, если он хотел сообщить лишь то, о чем рассказал. Но только ли?.. Неужели он скрыл что-то недоброе о моем муже?! Не дай Бог!..

Тяжелые, безответные мысли Нур Аны прервали шум и мычание коров, возвращающихся через Чарбаг в Малыбай и в другие соседние села. Над дорогой поднялась густая пыль, проникавшая сквозь щели окон и оседавшая в комнатах дома Нур Аны. Она слезла с крыши, вошла в дом, возмущенно подумав: «Зачем гнать стадо коров через Чарбаг?! Разве нельзя гнать прямо в Малыбай?! Наверное, эти коровы из нашего села... Они, видимо, не послушались пастуха и привычно пошли в родное село. Среди них, наверное, и моя корова... Моя большеглазая». Нур Ана побежала босиком за уходящим стадом.

– Палкёзка! Пал-кёзка! Пал-кёз! – кричала она, называя свою корову по кличке, что значит – «Большеглазая». «Нет, в этом стаде, видимо, нет моей коровы», – сказала она себе и только повернула назад, как услышала мычание. Обернувшись, увидела: перед ней стояла ее Палкёзка, ее большеглазка. – Это же моя Палкёзка! – воскликнула она радостно, кинулась к своей корове, обняла ее за шею и расплакалась.

Оказалось, корова услышала голос хозяйки, отстала от стада и пошла вслед за Нур Аной.

– Люди Чарбага разбрелись по чужим селам, словно разбитый весенний лед... Вот и мы с тобой тоже разошлись, – печально сказала Нур Ана корове, и та своим шершавым языком стала лизать ей руки.

Нур Ане показалось, что большеглазая так похудела, что можно даже ребра ее сосчитать, и будто уже не та это корова, которую она знала.

– Ладно! Самое главное, что мы встретились! Теперь иди, догоняй свое стадо! – сказала Нур Ана. – Иди, иди!.. – Но корова стояла на месте, не желая покидать хозяйку. Наконец она медленно, неохотно побрела вдоль дороги в сторону удаляющегося стада.

Встреча с коровой глубоко запала в душу Нур Аны и расстроила ее. Решив, что корова ушла, Нур Ана привычно поднялась на крышу и вдруг увидела сидящего на лошади пастуха, погоняющего длинной плеткой ее Палкёзку. Она даже будто почувствовала, что его плетка своим концом достала и до ее тела.

Возмущенная Нур Ана подумала: «Если этот пастух считает, что скотину можно бить, потому что шкура у нее толстая, то он глубоко ошибается: скотина порой умнее иного человека, и шкура скотины гораздо тоньше и нежнее, чем кожа некоторых людей, толстокожих, как этот пастух! Чтоб отсохла его рука, держащая эту плетку!» – начала она проклинать пастуха...

Нур Ана знала часть коров, прошедших только что через Чарбаг. Не зря они шли именно здесь – среди них было много именно чарбагских коров. И не зря они прятались во дворах разрушенных домов, потому что знали, что это были их дома и их дворы.

В тот день корова Нур Аны опять отделилась от стада. Она вернулась в Чарбаг, в свой дом. Увидев ее, Нур Ана очень обрадовалась. Не напрасно казалось ей, что корова вернется! И она вернулась! Широко раздувая ноздри, Палкёзка нюхала одежду хозяйки и лизала ей руки. Так она постояла недолго, и вдруг, будто ее перестали слушаться ноги, рухнула на землю.

«Наверно, от голода, – подумала Нур Ана и стала ругать пастуха: – Этот безголовый “саранча” пасет коров там, где нет травы, где вместо корма – одни камни! Разве коровы камни жрут?!»

Она и так, и сяк честила «саранчу»:

– Куда смотрел этот проклятый пастух?! И чем он занимался, этот бездельник?! Видимо, гонял коров туда-сюда, взад-вперед по камням, лишь бы день прошел, лишь бы пригнать, наконец, стадо в Малыбай и – на отдых!..

Мать Чарбага занялась лежащей коровой. Дала ей свежую траву, но Палкёзка лишь понюхала ее, а есть не стала. Тогда Нур Ана попробовала дать ей жидкую пищу – замоченный хлеб и зерно, предварительно зажаренное и сваренное. Но большеглазая не стала есть и жидкую пищу.

– Ешь, ешь! Ты же голодная! Это – голодный обморок! Ну, пей же хоть эту баланду! Не упрямясь! – уговаривала Нур Ана свою корову. Но та лежала, как мертвая. – Что же с тобой, Палкёзка моя? – плакала Мать Земли, обнимая за шею свою любимицу. Она даже пробовала поднять ее за рога, но не смогла – не хватило сил. – Палкёзка моя! Палкёз! Что с тобой?! – уже не плакала, а рыдала Мать Чарбага, но корова так и не встала...

В ту же ночь пастух по имени Яри прискакал в Чарбаг к Нур Ане. Увидев дохлую корову, он начал гонять хозяйку по двору и хлестать ее своей длинной плеткой...

– Это ты отравила корову! – кричал он, продолжая хлестать Нур Ану плеткой.

– Бей! Бей меня! Убей, если от этого оживет моя корова! – горько плакала Мать Чарбага. Но плакала она не оттого, что пастух ее побил, а от жалости к своей корове. – Ты издеваешься надо мной, потому что в моем доме нет мужчины, да? Был бы муж, он бы тебе показал!.. Жалкий ты Саранча!

– Завтра вместо убитой тобой коровы приведешь другую! Иначе тебе недобровать! – предупредил Яри.

– Вот она! Забирай!

– Ты что?! Дохлую корову?!

– Для меня она – живая!

– Эх ты... Нур Ана... Ты что, не понимаешь?! Я ведь тут ни при чем! Кто я?! Бедняк! Да и только, – смягчился Яри. Видимо на него подействовали слова Нур Аны о муже... А может быть, он испугался, что она пожалуется за избивание. – Переехав в Малыбай, я не разбогател! Тем же бедняком остался. Жена моя, Гульямхан, которую ты сама мне просватала, в коровнике работает. Я тоже мизерную зарплату получаю. Детей у нас – полный дом! Я бы сам купил корову, но на что я ее куплю?! Выручить тебя не смогу. Извини, от злости не удержался, обидел тебя... – Он снял с себя рубашку и показал спину со следами свежих синяков. – Вот, смотри, как избил меня за твою корову председатель Айбек...

И принялся было копать яму, чтобы захоронить в ней тушу коровы, но Нур Ана остановила его...

На следующий день Яри по просьбе Нур Аны приехал и помог ей похоронить корову на окраине людского кладбища. Именно похоронить!

– Она для меня – не скотина, – сказала Нур Ана, – а родная душа...

Яри, выполнив всё необходимое, отправился к себе в Малыбай, а Нур Ана, завершив печальную процедуру, вернулась домой.

V

Нур Ана была женщиной крепкой, здоровья отличного. Она никогда не болела и вообще не знала, что такое болезнь. Вот почему могла браться и за такую работу, как обнести двор глиняной стеной, посадить вокруг дома кустарник, а в саду – фруктовые деревья. Зимой, в снегопад или стужу, когда невозможно было выйти на улицу или залезть на крышу, Нур Ана, чтобы показать, что в Чарбаге кто-то живет, что он еще не опустел, постоянно поддерживала в очаге огонь, чтобы хоть дым был виден. Подбрасывала в огонь поленья, заготовленные ею в достаточном количестве еще в теплое время осени. Так она поддерживала в Чарбаге жизнь, или, по крайней мере, подобие жизни. Настоящую жизнь она одна, разумеется, поддержать не могла...

Потеплее одевшись, надев на ноги сапоги, Нур Ана выходила во двор, очищала его от снега и возвращалась в дом. Ей было жаль замерзших, лежавших на снегу воробьев.

* * *

Три дня подряд Нур Ана то и дело поднималась на заснеженную крышу дома: высматривала, не едет ли Оралхан. Когда ей становилось холодно, она спускалась вниз, входила в дом, а согревшись, снова поднималась на крышу. Думы ее об Оралхан сменились воспоминаниями о муже...

Однажды Гопуржан, перед отправлением на фронт, дал ей похожий на прутик саженец и сказал: «Пусть он будет свидетелем нашей любви! Посади его где-нибудь»...

После скромной свадьбы они любили сажать деревья. Сажали их всюду... «Село без деревьев – разве это село?! Чарбаг должен оправдать свое название. Ведь Чарбаг означает – сад, обнесенный с четырех сторон забором. А без деревьев Чарбаг мне кажется пустыней», – сказал тогда Гопуржан.

У него была странная привычка – сажать деревья где попало... Совсем не обязательно – возле своего дома, в саду. Он мог посадить дерево и у кого-нибудь перед домом. «Жизнь под деревьями веселее», – говорил он. Потом не забывал поливать эти деревья, как только освобождался от работы. Люди называли его за это – «жизнерадостный парень, сажающий деревья любви». Беременная Нур Ана заменила мужа. Она тоже почти каждый день поливала то тут, то там посаженные им деревья. Теперь они уже не прутики – выросли и стали довольно мощными деревьями. Рос и сын Нур Аны, которому повивальной бабкой стала Хекимхан. Ее иначе называли Экимхан.

Перед уходом на фронт Гопуржан сказал жене: «Оставляю тебе мои деревья, не дай им засохнуть! А мы вас будем защищать от фашистов!» Мать Земли как сейчас помнит эти слова, сказанные столько лет тому назад... «Где он? Жив ли мой Гопуржан?!»

Нур Ана однажды написала мужу: «Мы с твоим сыном поливаем посаженные тобой деревья и выращиваем цветы», – а потом... Потом случилась беда – сын умер. И она зачем-то написала мужу, что сын умер... Вспоминая, ругала себя: «Зачем?!» Горько сожалела об этом! А что скрывать?! Ведь всё равно узнает! Он, наверное, и не такое видел там, на войне... Переживет и это...

Кошка, сидевшая рядом с ней, замыкала, и только тут Нур Ана поняла, что замерзла. Зашла в дом, подбросила в почти погасшую печь дрова, и в комнате постепенно стало теплее. Она сняла со стены портрет Гопуржана, долго смотрела на него... Затем вытерла стекло рукавом и повесила портрет на место.